

Субъект в науке и искусстве: экзистенциальный аспект. (Размышления о новой книге Л.А. Марковой)¹

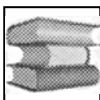
Н.А. КАЛЮЖНАЯ

К числу основных задач философии относится осмысление трансформаций философского знания, метода, значения ключевых категорий и философской предметности в целом. Особый интерес в этой связи уже долгое время представляют эпохальные изменения – от философии Нового времени, представляющей классические варианты ключевых философских вопросов о сущности познания, знания, опыта, через философию конца XIX – начала XX века, сформировавшую новые подходы в их обсуждении, к философии современности, сочетающей в себе как классические, так и неклассические образцы. Но, пожалуй, сегодня осмысление этих изменений особенно интересно, если автор осуществляет его сквозь призму какой-то специфической проблемы, через подключение социокультурного контекста, позволяющего вписать становление науки в пространство

других сфер духовной культуры, понять, каким образом те или иные аспекты научного творчества дают импульсы для их развития.

Такое исследование предпринимает в своей монографии «Человек и мир в науке и искусстве» Л.А. Маркова, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, анализируя ряд важнейших вопросов о становлении науки в связи с философией и художественным творчеством. Основания многообразных трансформаций общественного, духовного, научного и собственно философского мышления попадают здесь в фокус анализа, который позволяет обнаружить их в самой сердцевине культуры. В этом контексте возникают вопросы, касающиеся истории научной деятельности, включения в последнюю субъектных характеристик, соотно-

¹ Л.А. Маркова. Человек и мир в науке и искусстве. М., «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 384 с.



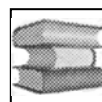
шения философии и науки, проблемы появления нового знания, языка как предмета философского осмысления, произведения и творчества в науке и искусстве и др. Такое исследование, учитывающее многоаспектность соотношения науки, философии и искусства, позволяет в полной мере востребовать исторические ракурсы и логику самой философии, которая, будучи обусловлена своим историческим контекстом, вместе с тем, отвечает духовно-рациональному, духовно-нравственному уровню общества и предопределяет его изменения.

Общую задачу книги можно охарактеризовать как осмысление современных трансформаций в науке, в особенности перехода от логики нововременного мышления к научному мышлению иного типа в связи с теми изменениями, которые происходят в искусстве. Ключ к этому повороту автор усматривает прежде всего в отношении, «субъект-предмет», а особенности знания в науке и искусстве рассматривает, обращаясь к таким фигурам как Т. Кун, Л. Витгенштейн, П. Дюгем, Р. Рорти, Ж. Делез, Х. Патнем, Д. Блур, М.М. Бахтин, В.С. Библер, В.В. Кандинский. На страницах книги представители науки, философии, искусства включаются в конструируемый автором диалог относительно поставленных в монографии проблем. Л.А. Маркова обнаруживает, что процесс переосмысления субъект-предметных отношений затронул самые разные, иногда противоположные философские направления, и иллюстрирует это на примере диалогичности В.С. Библера, постмодернизма в лице Ж. Делеза, аналитической философии Л. Витгенштейна, постаналитиче-

ской философии Р. Рорти и Х. Патнэма, «теории катастроф» Р. Тома.

Книга содержит ряд относительно самостоятельных, но связанных общей задачей разделов. Автор начинает с истории субъекта научной деятельности, переходя впоследствии к анализу современных подходов к отношению «субъект-предмет». Рассматривая становление философии Нового времени и XX века, Л.А. Маркова соотносит ее с наукой, показывает сущность и почву различных методологических нововведений. Автор обосновывает идею о том, что философия науки не в состоянии подойти к решению проблем, связанных с появлением нового знания, только через анализ готовых результатов научного творчества. Возможности такого решения усматриваются, напротив, в постмодернистской философии в аспектах ее обращения к науке и анализируются в том числе и в связи с междисциплинарными исследованиями. В ряде глав Л.А. Маркова сопоставляет науку и искусство, исследуя такие проблемы как самодостаточность знания, субъектность, диалог, произведение как процесс и как результат творчества.

Содержание книги многогранно, но я ограничусь рассмотрением тех проблем и подходов автора, которые созвучны одной из фундаментальных тем современной философии – анализу экзистенциального опыта. Содержание книги во многом проливает свет на роль экзистенциальных компонент познания благодаря тому месту и значению, которые характеризуют в концепции автора понятия субъекта и субъектности. Л.А. Маркова рассматривает проблемы научного познания и художе-



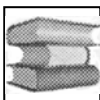
ственного творчества, их места в культуре и взаимовлияния именно через философский анализ становления субъекта мыслительной деятельности, образующего сквозную тему исследования.

Зададимся вопросом, в чем же особенности субъекта научного познания и деятельности, соответствующего трем периодам – началу, середине XX века и, наконец, современной науке, а также попытаемся проследить мысль автора, дополняя ее собственными рассуждениями и тем контекстом, который автор оставил вне поля своего анализа.

Начало XX столетия как будто подводит черту большой исторической эпохи, которой принадлежат существенные изменения в философской проблематике, в научной картине мира, в искусстве как видении мира и попытке его отразить. Л.А. Маркова пишет, что в начале XX века субъект познания предстает лишенным индивидуальных черт, в философии преобладает идеализация ученого, что в целом является продолжением парадигмы Нового времени. Однако к этому времени готовится и в чем-то уже наступает перелом в философии, определяются течения, идущие вразрез с важнейшими направлениями мысли Нового времени – с материалистическим механицизмом и субъектоцентризмом. Наряду с поиском новых приемов познания и исследования в философское мировоззрение приходит принципиально плюралистическая установка: необходимость исходить из множественности проявлений бытия и иначе оценивать роль и содержание субъекта. Эти изменения инициируют диалог между философскими течениями и методоло-

гиями, порождают новые направления и концепции. Автор монографии почти не затрагивает в явной форме то влияние, которое оказали на философию и науку экзистенциальная, герменевтическая и феноменологическая традиции, но для меня такого рода аллюзии напрашиваются сами собой. Представители этих направлений включили в поле философии жизненный мир человека, способствуя пониманию его места в процессе познания, обратились к смысловому фундаменту, смысловому контексту науки, переориентировав европейские традиции не только научного творчества, но и искусства. На этой волне

в XX веке в ряде направлений философии ставится вопрос об особом виде опыта и познания – опыта существования человека, затрагивающего решение специфических проблем и задач, которые принято называть экзистенциальными, познание им своего назначения, смысла присутствия в мире. В более явной форме это проявляется позже, когда познание и деятельность стали рассматриваться в более широком социокультурном контексте, в аспектах интерпретации, выражения в языке и в других системах значений. Положение человека в мире и значимость специфического опыта решения фундаментальных проблем существования оказывает все большее влияние на личность, ее творчество, в том числе научное. В философском мышлении утверждаются новые принципы в понимании сознания и познания, прямо или косвенно обозначаются значимость и особенности его экзистенциального содержания. Л.А. Маркова затрагивает данную проблематику, говоря об идее включенности научного



знания в культуру в середине и конце XX века, о значении субъектных характеристик научного знания, о диалоге в науке.

Рассуждения автора побуждают к размышлению о существенном изменении значения и роли субъекта в XX веке, несмотря на то что философия Нового времени уже осуществила субъектоцентрический сдвиг. Эти изменения позволили существенно расширить сферу анализа познавательной деятельности. Новое открытие человеческой субъективности отходит от позитивистской направленности на объекты, не принимающей во внимание экзистенциальный опыт. В неклассической философии познание уже охватывает всю сферу производства и использования смыслов, а сам исследователь как субъект познания предстает в большей целостности, в опыте смыслоотнесенности к миру. Особую значимость в понимании проблем познания обретают переживания, без которых путь человека к смыслу не может быть прояснен.

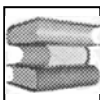
Опыт субъекта к середине XX века характеризуется в более широком плане – как система значений, открывающая доступ к постижению специфики человеческого бытия и нуждающаяся в расшифровке через такие понятия как сознание, понимание, переживание, психическое, смысл, экзистенция, диалог. Представители разных направлений осуществляют поиск тех структур человеческого сознания, которые подводят к пониманию сферы имма-

нентного опыта. Отсюда началось движение по осмыслению всякого опыта как в сущности экзистенциального и только потом и на этой основе – собственно познавательного. В области познания все более проявляется роль глубинного знания, которое рождается в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества.

Содержание книги отчасти показывает, что классические философские проблемы сознания, познания, знания невозможно решать без учета субъектной (хотелось бы добавить, экзистенциальной) проблематики. Результаты, к которым пришла современная философия, состоят, помимо всего прочего, в выведении на новую высоту мира человеческой экзистенции, которая является материалом смысла как элемента познания, знания, ценности. Л.А. Маркова пишет, что сегодня в науке мы наблюдаем синтез классической научно-философской парадигмы с неклассической; научная революция XX века не разрушила предшествующее знание и способы его получения. «Новый тип науки вырос не «на развалинах» своих предшественников, а как бы на пустом месте, оставив «рядом», в целостности и сохранности классическую науку со всеми ее атрибутами»². Сторонники Венского кружка также не отказывали в значении

² Л.А. Маркова. Человек и мир в науке и искусстве. М., 2008. С. 5. религиозной вере, моральной норме и эстетическому идеалу, но оставляли их за пределами науки. Неклас-

сические стандарты рациональности, уходя от идеи эпистемической исключительности науки, поставили



рядом с ней эти формы экзистенциального опыта, что в перспективе позволяло говорить о единстве познания и переживания, познания и экзистенциальности как способа философского постижения природы человека.

Однако Л.А. Маркова делает такой вывод в отношении науки рубежа XX–XXI веков: если сегодня в науку включаются все элементы контекста, то размываются ее границы и существование субъекта научной деятельности ставится под сомнение. Автор монографии настаивает на том, что в конце XX века, как и когда-то в классической науке, снова, пусть и на свой лад, встает задача устранения тех особенностей субъекта научной деятельности, которые не имеют отношения к содержанию создаваемого, искомого им знания. Это интересный вывод, хотя выдвигаемая в книге идея о плюралистичности современного научного мышления заставляет задуматься о возможности ее совмещения с такого рода «очищением» субъекта. Также мне хотелось бы отметить, что постмодернистскую философию автор рассматривает как имеющую отличительные возможности решения вопроса о генезисе нового знания.

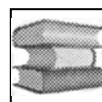
Однако для постмодернизма в фокусе находится не объективность знания, а, напротив, его субъективные, периферийные и непознавательные измерения, и новое знание возникает из незнания. Но в таком случае нельзя не признать, что непознавательные контексты, из которых возникает новое знание, содержатся в последнем хотя бы в снятом виде. Отсюда проект преодоления избыточной контекстуальной субъективности, якобы востребованный со-

временной эпохой, выглядит несколько утопичным, если его провозвестниками призваны выступать М. Фуко, Д. Деррида, Ж. Делез и прочие представители постмодернистской философии.

Словом, автор затрагивает интересные и сложные вопросы, стимулирующие дальнейший исследовательский поиск, имеющий своим предметом научную деятельность, ее субъекта и познание.

Однако в числе вызывающих некоторое непонимание моментов мне хочется отметить следующее. Изучение книги показало, как мне кажется, некоторое несоответствие текста и названия, поскольку оно недостаточно отражает специфику и логику исследования. Кроме того, охарактеризованные в заключение этапы философского анализа субъекта мыслительной деятельности не только не вполне просматриваются в содержании монографии, но и обнаруживают историографическую проблематичность. В частности, говоря о философском анализе субъекта в целом, автор, в сущности, ограничивает себя философией науки, что оставляет за пределами исследования и философию жизни, и религиозную философию, и экзистенциализм. Ясно, что автор ставил перед собой несколько иные задачи, но в таком случае на введение и заключение, которые объединяют в одно целое многоплановую проблематику книги, ложится чрезвычайно большая ответственность и смысловая нагрузка.

Изучая эту книгу, читатель вместе с ее проницательным автором может увидеть, что главные особенности современной европейской философии и науки в своих глубинных основаниях связаны с широкой



сферой духовной культуры, с искусством, предлагающими понимание мира, человека своими, образными и художественными средствами. Мне близка интенция данного исследования, в котором автор убедительно

показывает, каким образом современная философия стремится выйти к новому, равным образом рациональному и синтетическому знанию о бытии и человеке.